

Е. Н. ЧЕРНЫХ

СТЕПНОЙ ПОЯС ЕВРАЗИИ: ФЕНОМЕН КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

ББК 66.4(2)

Ч 47

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 09-01-16037

Черных Е. Н.

Ч 47

Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 624 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0290-0

Великий Степной пояс Евразии. Протянулся на восемь тысяч километров от моря Черного на западе вплоть до моря Желтого на крайнем востоке континента, а его площадь охватывала не менее 8 миллионов квадратных километров. Степной пояс с V—IV тысячелетий до н. э. вплоть до Нового Времени (XVI—XVII вв.) служил истинным доменом, где зарождались культуры кочевых и полукочевых скотоводов. Борьба между ними и оседлыми культурами очень часто принимала крайне жестокие формы. Их «звездным часом», но и «лебединой песней» явилась всеохватная империя Чингис-хана и его наследников. В трех частях книги — «Картины исторические», «Картины археологические» и «Русь, Россия и Степной пояс» — представлено широчайшее полотно феномена этих культур с V тыс. до н. э. вплоть до современности.

ББК 66.4(2)

В оформлении переплета использованы:

Монгольский Алтай, Джунгарские ворота (фото автора); фигурки скифского конника и леопарда (из: Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgraber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel, 2008; на обороте внизу: монгольский всадник, китайская миниатюра (из: Chronik der Menschheit. Dortmund: Chronik-Verlag, 1984).

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0290-0

© Е. Н. Черных, 2009

© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Степной пояс: геоэкология, системы жизнеобеспечения, культуры.....	11
Трагический тринадцатый	11
Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения	13
География моделей жизнеобеспечения.....	14
Евразийский континент: членение по широте и долготе.....	16
Геоэкология Степного пояса.....	17
Западноевразийская половина пояса и ее границы	19
Горная монгольская степь и Джунгарские ворота	21
Аравийские пустынные нагорья.....	26
Степной пояс как домен	28

Часть первая

Степной пояс: картины исторические.....	31
Пролог 1. Звездный час и «лебединая песнь».....	33
Источники исторические и синдром Нарцисса	33
Три волны кочевников	34
Глава 1. Ислам и христианство: первые встречи	37
Покорение Иберийского полуострова.....	37
Католическая Европа готовится к отпору	41
Географические представления европейских властителей.....	43
Европа двинулась на Восток.....	47
Глава 2. Монголы — Мусульмане — Христиане	56
Нежданные пришельцы	56
Возвращение к 1206 году.....	57
От Самарканда до Калки и назад до Монголии	62
Всеохватная Великая империя	66
Кентавры с баллистами.....	71
Глава 3. Картина мира полвека спустя.....	75
Монгольская половина Евразии	75

Микроскопический полигон	77
Восток и Запад: где же граница между ними?	79
Таласская битва и Джунгарские ворота.....	80
Глава 4. Впечатления от степных азиатских пришельцев.....	83
Католический мир: этап ранних впечатлений.....	83
Католический мир: этап начального отрезвления	85
Де Рубрук и Марко Поло.....	91
Глава 5. Мир ислама и монголы	95
Боль и ненависть	95
Лесть обволакивающая	98
Глава 6. Китай и степные скотоводы	104
Несколько слов об отце Иакинфе.....	104
Парадоксы восприятия монгольских нашествий	105
Тысячелетние войны Поднебесной.....	108
Пример первый: невольники злые или невольники почтительные	112
Пример второй: туюк или тюрки	118
Китай и кочевой мир: способы взаимодействий	121
Глава 7. «Реконкиста» оседлых цивилизаций.....	126
Поражения без битв.....	127
Синдромы Антея и Одиссея	128
Дворцы, мемориалы, роскошь.....	128
«Родство» кочевых ханов и китайских императоров	130
«Размягчение» грубых душ, услады и пороки.....	131

Часть вторая

Степной пояс: картины археологические	135
Пролог 2. Эпоха раннего металла — переломный период в истории	
евразийских культур	137
История и археология: сходство и различия в базовых источниках ...	137
Памятники погребальные: подземная и надземная «ипостаси»	138
Сложности понимания	140
Археологи в качестве представителей потустороннего мира.....	141
«Монгольский синдром» кочевых культур.....	143
Протяженность археологического времени	145
Конница и металл	147

Металл и историко-археологические эпохи.....	148
У истоков металлургии	149
Прочие инновации ЭРМ.....	151
Производство и нормативный фактор	152
ЭРМ — евразийский феномен.....	153
Территориальные «скачки» зоны культур ЭРМ.....	155
Пространственная стагнация.....	157
Глава 8. Эпоха «протометалла» в Евразии	159
Древнейший металл планеты	159
Восточная Анатолия: Чайоню-тепеси	162
Центральная Анатолия: Ашикли-хёйюк	163
Восточная Анатолия и Левант.....	164
Центральная Анатолия: Чатал-хёйюк.....	167
Эпилог эпохи «протометалла»	170
Глава 9. Металлургическая «революция» в Балкано-Карпатье	173
Начало эпохи металлов	173
Балканский неолит.....	174
Балкано-Карпатская металлургическая провинция и ее структура....	176
Центральный блок Балкано-Карпатской провинции: Варненский некрополь	179
Древнейший медный рудник Аи бунар	182
Второй блок БКМП: трипольская общность.....	186
Третий блок БКМП: степные скотоводы	188
Направление импульсов.....	193
Глава 10. Циркумпонтийская провинция и майкопская культура больших курганов.....	195
Циркумпонтийская металлургическая провинция: фаза зарождения.....	196
Майкопская культура и ее курганы.....	198
Майкопские поселения.....	205
Поселения южного блока культур.....	206
Хозяйство.....	208
Загадки майкопского феномена	209
Майкопский феномен и «монгольский синдром»	214
Глава 11. Степной пояс заявляет о себе	216
Металлургическая провинция становится Циркумпонтийской.....	216
Импульс на север	219

Ямная общность культур.....	220
Катакомбная общность.....	225
Майкопский импульс на юг	228
Дрейф золота вокруг Черного моря	230
Северные топоры в южном исполнении.....	234
Глава 12. Большой скачок и Великая стагнация.....	237
Джин, вырвавшийся из плавильного горна.....	238
Эпоха Великой стагнации: что это?	240
Ядро евразийских культур	242
Глава 13. Второе тысячелетие: кардинальные перемены в Евразийской степи.....	244
Евразийская металлургическая провинция: перемены в характере культур	245
Евразийская провинция: начало формирования	248
Евразийская провинция: пора стабилизации	252
Евразийская провинция: финал и распад	259
Глава 14. Рывок из центра Азии: Чингизовы провозвестники.....	264
Некрополи или же только мемориалы-жертвенники?.....	265
Сейминско-турбинский металл	268
Фигурки животных на сейминско-турбинском металле	271
Хоровод животных и «визитная карточка» восточных пришельцев	274
Культуры центра Азии и «монгольский синдром»	276
Воины-пришельцы.....	277
Финал феномена	280
Оформление Восточноазиатской степной металлургической провинции.....	281
Глава 15. Соседи Степного пояса	287
Европейская металлургическая провинция	288
Кавказская металлургическая провинция	294
Ирано-Анатолийская металлургическая провинция.....	300
Древнекитайская металлургическая провинция.....	306
Глава 16. Железный век Степного пояса.....	317
Появление железа	317
Скифский мир	320
Сарматы оттесняют скифов	333

Гунны монгольских степей	335
Север и Юг в трехвековых битвах	341
Гунны на западе	343
Краткий эпилог второй части книги	350

Часть третья

Русь, Россия и Степной пояс	351
Пролог 3. От древности к современности	353
Вновь о любопытной взаимосвязи истории с археологией	353
Скверная экология, скверные соседи	357
Глава 17. От аваров до Ивана Грозного	361
Авары, хазары, печенеги	361
Половцы	366
Калка	370
Четыре года и четыре волны Батыева нашествия	371
Иго и русские князья	372
Куликово поле	375
Золотая Орда слабеет	377
От стояния на Угре до Ивана Грозного	379
Глава 18. Крушение границ ядра евразийских культур	383
Три волны слома	383
Год 1500 — начало Нового Времени	385
Первая волна слома: начало за Португалией	387
Испания — Колумб	390
Папские буллы и раздел мира	392
Испания — Магеллан	394
Эпоха открытий или же колонизации?	397
Вторая волна слома: Северная Америка	401
Капитан Гудзон и Новый Амстердам	402
Тринадцать британских колоний у истоков независимости	404
Соединенные Штаты Америки: от Флориды до Аляски	406
Глава 19. Третья волна слома: прорыв к Тихому океану	409
Начало: до Ермака	409
Казанский «барьер»	411
Строгановы и Ермак Тимофеевич	412
От Урала до мыса Дежнёва	417

Встреча на Амуре: маньчжуры	418
Мирное освоение?	421
Начало колонизации	422
Степной пояс и Китай	427
Колонизация Северной Евразии и блокада Степного пояса	429
 Глава 20. Слом рубежей Евразийского ядра: колонизация	
и ее принципы	431
Тяжкий крест европейских «цивилизаторов»	431
Открытие новых земель и приобщение к цивилизации	433
Источник наслаждений	434
Разновидности российской колонизации	436
Последний прорыв на восток: русские в Америке	440
Колонизация и судьбы народов	443
 Глава 21. Штурм Степного пояса	446
Крымская крепость-занога	446
Князь Потемкин Таврический	451
Уральский плацдарм	452
Иван Кирилов и «окно на юго-восток»	455
Рычков — краевед, историк и «счетовод»	458
Путь в казахские степи	461
Последние дни бывшего Казахского ханства	464
У ворот Бухары	465
Проект «Желтороссия»	472
Конец XIX столетия: финал истории Степного пояса?	473
 Глава 22. Степной пояс и Советская империя	475
Недолгий путь к Советской империи	475
«Союз нерушимый республик свободных. . .»	476
«Очередные задачи советской власти»	478
Успехи и достижения	479
Неудачи и провалы	480
«Дружбы народов надежный оплот»	482
Средняя Азия столетие спустя	484
Монгольские впечатления: шесть десятилетий спустя	487
Нива и жатва печали	495
 Эпилог. Беглый взгляд на контуры долгой истории	500
Мои благодарности	508

Приложения

Приложение 1. Отец Иакинф (Бичурин) и его наследники	511
Приложение 2. Отель «Мариотт» и Бату-хан	523
Приложение 3. Как победить гуннов?.....	527
«Три манеры поведения и пять приманок для варваров»:	
доклад Цзя И императору	528
Чао Цо: как победить гуннов?	532
Приложение 4. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование	
в археологии.....	541
Система отсчета времени.....	541
Хронологические источники в археологии	543
Дендрохронология	544
Радиоуглеродное датирование.....	549
Изотопное время и дендрохронология	549
Калиброванные датировки.....	550
Периоды исторического развития и методы календарной	
хронологии	552
Приложение 5. Каргалы: пять тысячелетий истории	554
Четыре открытия Каргалов	555
Четвертое – археологическое – открытие Каргалов	558
Три тысячи лет спустя: открытие третье	562
Приложение 6. Сейминско-турбинский феномен: история открытий	578
Находки на Сейминской дюне	578
Счастливый 1912 год	579
Конец Сеймы	579
Сейма — Бородино — Сибирь	580
Шустова гора на Каме	580
Сибирское звено сейминско-турбинской «цепи»	582
И вновь Урал	583
Приложение 7. Гунны и Аттила в глазах европейцев	585
Аммиан Марцеллин: гунны — злобные двуногие звери	586
Приск Панийский: Аттила приземленный	589
Иордан: легенды через столетие после исчезновения гуннов.....	597

Приложение 8. «Книга Большому Чертежу».....	608
Приложение 9. Последний из Чингизидов?	614
Литературные источники.....	617

ВВЕДЕНИЕ

Степной пояс: геоэкология, системы жизнеобеспечения, культуры

Трагический тринадцатый

Тринадцатый век в сознании множества народов Евразийского материка предстал как один из самых кровавых и трагичных во всей долгой истории крупнейшего континента нашей планеты. Ключевым событием этого времени, конечно же, явились молниеносные и всесокрушающие нашествия степняков — стремительных монгольских всадников-кочевников. Всего за несколько десятилетий территория их завоеваний покрыла такие пространства, что все произошедшее не просто удивляло, но и потрясало неправдоподобием гигантского охвата. Воля покоренных степными всадниками прочно сложившихся и казавшихся несокрушимыми государств будто бы по мистическому мановению оказалась повергнутой буквально в паралич. Порой возникало впечатление, что некоторые из подобного рода социальных объединений даже не пытались сколько-нибудь активно сопротивляться.

В долгой исторической памяти тех народов, которые не только в научной, но даже в популярной беллетристике привычно относят к разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают картины прошлого, обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений. Подобными воспоминаниями наполнены не только письменные источники, но также изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда явились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что

эти дьявольские создания питаются мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Только за тяжкие грехи наши мог Господь наслать на нас эту адскую напасть». Примерно такими смятенными загадками в XIII столетии мучились многие властители христианской Европы вплоть до крайнего европейского запада — Британских островов. Сходные стенания слышались в те времена и по множеству областей Азии.

Однако, как это нередко случается, страшные трагедии по прошествии некоторого времени могли обернуться даже неким позитивом. Кровавый ужас XIII века привел в одном, но очень важном аспекте именно к похожему результату. Тогда в понимании ряда представителей интеллектуальной элиты подчиненных монголами стран стало пробуждаться осознание громадности евразийского мира. Сам мир как будто несоразмерно раздвинулся, стал более прозрачным и понятным; и это повело к формированию нового взгляда на окружающий мир, к иным принципам ориентации и оценок.

Вспомним, к примеру, видного перса Рашид-ад-дина, первого везира при дворе ильханов — монгольских завоевателей и властителей Ирана; заметим при этом, что кроме своего незаурядного придворного статуса его, бесспорно, можно относить также и к разряду выдающихся историографов Средневековья. Вот как — уже в самом начале XIV века — представлял себе этот персидский историк, по сути, заново открывшийся перед ним гигантский мир:

«Прежде всего, надлежит знать, что в каждом поясе земли существует отличное друг от друга население, одно оседлое, другое кочевое. Особенно в той области или стране, где есть луга, много трав, в местностях, удаленных от предместий городов и от селений, много бывает кочевников, — что мы наблюдаем в пределах Ирана и во владении арабов, где есть безводные пустыни с травой; такая земля подходящая для верблюдов, потому что они поедают много травы, а воды потребляют мало. По этой причине племена и кланы арабов устроили по всем степям и долинам места своих кочевок от пределов Запада до крайнего побережья Индийского океана в количестве большем, чем это требовала численность народа. Точно так же народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, ... известных под именем Могулистана (страны монголов), ... кои явились смежными с (Великой) Китайской стеной... Благодаря своей силе, могуществу, власти и завоеваниям, они распространились по всем областям Китая, Индии, Кашмира, Ирана, Византии, Сирии и Египта, подчинив себе большую часть государств населенной части мира» [Рашид-ад-дин I: 73—74].

Вполне возможно, что именно у Рашид-ад-дина впервые отчетливо прозвучало понятие «пояс земли», и это стало созвучным тому, что уже в настоящее время многие вкладывают в термин «Степной пояс Евразии», запу-

танной истории которого и будет посвящено большинство разделов нашей книги. Однако прежде чем перейти к более детальному рассмотрению того, что мы вкладываем в это понятие, вспомним о распределении по евразийским просторам различных экологических зон и взаимосвязи с ними разнообразных человеческих культур.

Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения

Не подлежит ни малейшему сомнению та уже давно и банально звучащая истина, что важнейшие черты различных культур в огромной степени и зачастую предельно жестко зависели от тех геолого-географических условий, в которых оказывались разнообразные человеческие сообщества. Утверждение это, по существу, является ныне уже постулатом, причем весьма древним. Ведь еще в V веке до н. э. «отец истории» Геродот писал, повествуя о стиле жизни кочевых скифов, столь отличном от образа жизни народов оседлых, привычного историку: *«Этой особенности скифов, конечно, благоприятствует их земля...»*.

В настоящее время подобное междисциплинарное направление нередко именуют *геоэкологией*. К сожалению, трактовка и понимание данной науки и поныне далеко не всегда отличается четкими и — даже в среде специалистов — достаточно согласованными формулировками. Однако для нас наиболее привлекательным является тот ее аспект, что нацелен на изучение «пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества», если следовать некоторым определениям энциклопедического характера.

Поясним также, что мы вкладываем в понятие «культура». Этот термин будет встречаться на страницах нашей книги постоянно, и читатель должен знать, что его содержание весьма существенно отличается от той трактовки, которая преобладает, например, в современных средствах массовой информации. ***Культура*** — термин чрезвычайно емкий: под ним понимается способ существования некоего отдельного социума. Принятое здесь представление о культуре охватывает практически все аспекты повседневного бытия любого социального организма. *В эту структуру включается и социальное устройство общества, и характер материального производства, и технология его производств, и язык, а также господствующее в обществе мировоззрение или же система идеологических установок, равно как и характер выражения последних и т.д.*

Наиболее существенным, пожалуй, в этом ряду, — собственно, даже исходным, «первичным», определяющим — фактором бытия любой культуры служат, конечно же, методы или же технология добычи и производства пищи. В данной сфере, как правило, различают несколько гене-

ральных технологических моделей: собираательство, охоту, рыболовство, земледелие и скотоводство. Первые три модели обыкновенно объединяют в общее понятие «добыча пищи», а последние две, то есть земледелие и скотоводство, — в «производство пищи». Безусловно также, что добыча пищи являет собой наиболее архаичный комплекс технологий, по сути восходящий еще к животному миру. Производство пищи — это уже совершенно новый этап общественного развития. При этом наиболее важным и определяющим в данном аспекте являлось безусловное господство в конкретной культуре какой-то одной модели жизнеобеспечения или же их родственной комбинации; прочие модели, естественно, также могли иметь место, но по своему значению они являлись «спутниками» второго и даже третьего планов.

Так, скажем, в глухой западносибирской тайге в древности (да и не только в древности) оказывались практически нереальными занятия скотоводством или же земледелием. Природа здесь по преимуществу предоставляла человеку условия лишь для охоты и рыболовства. Земледелие же могло процветать лишь на тех землях, где имелись в наличии достаточно плодородные почвы вкупе с водными источниками. И наоборот, засушливая степь с ее резко континентальным климатом весьма мало пригодна для вызревания злаков и получения сколько-нибудь устойчивых урожаев. Эти регионы не только считались, но считаются и поныне — когда технологический уровень современных культур совершенно несопоставим с древним — зоной рискованного земледелия.

В «степном поясе» успехов можно было добиться лишь с помощью животноводства. Крупный и мелкий рогатый скот у степняков был в состоянии сам добывать себе пищу, даже зимой. На долю человека, в основном, приходилась задача регулирования повседневной жизни стада, его численности, ухода за ним, перегонки стад на более обильные пастбища и т. п. При таких условиях животноводческая культура могла вполне успешно существовать и существовала за счет тесного симбиоза человека и одомашненных животных.

География моделей жизнеобеспечения

Теперь обратимся к публикуемой здесь карте Евразии (рис. В.1). На ней намечены границы между двумя основными группами моделей жизнеобеспечения, то есть культурами с доминированием добычи пищи, а также ее производством. Карта отражает картину, соответствующую примерно II тыс. до н. э., когда на пространствах Евразийского материка приближалась к своему финалу Эпоха Раннего Металла или же — при более четком определении — поздний бронзовый век. Приводимые на карте границы достаточно

схематичны хотя бы по причине того, что территориальные рамки культурных сообществ с господством той или иной модели далеко не всегда предстают перед исследователем во вполне определенном и устойчивом виде. Нередко колебания и сдвиги разнородных культур при смене исторических эпох могли достигать заметных величин. Кроме того, не всегда надежными казались имеющиеся у нас сведения о господстве какой-то определенной модели жизнеобеспечения в ряде регионов континента.

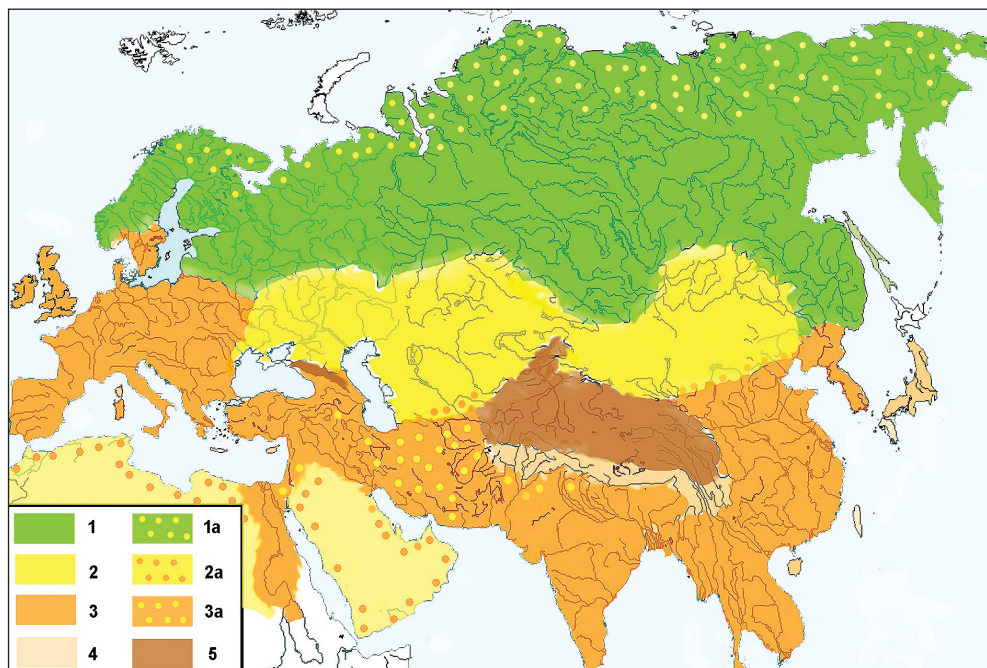

Рис. В.1. Ареалы основных геоэкологических зон Евразии и господствующих моделей жизнеобеспечения культур:

1 — лесная и тундровые зоны; ареалы культур собирателей, охотников и рыболовов; 1a — ареал культур оленеводов; 2 — Степной пояс (от Черного до Желтого морей); ареал кочевого и полукочевого скотоводства; 2a — земледельческие (оазисные) культуры в скотоводческих ареалах; 3 — зоны господства оседлых земледельческих культур; 3a — скотоводческие культуры в ареалах земледельческих культур; 4 — подгорные зоны; смешанный тип моделей жизнеобеспечения; 5 — высокогорные зоны; неопределенный (смешанный) тип моделей жизнеобеспечения

Общая площадь материковой суши Евразии близка к 52 млн. кв. км. Культуры, строившие стратегию своего жизнеобеспечения по преимуществу на «добыче пищи», оккупировали в конце бронзового века пространства до 15—17 млн. кв. км. (рис. В.1, 1, 1a). Культуры же с технологией «производства пищи» занимали территорию почти в два раза большую: примерно на 26—28 млн. кв. км. (рис. В.1, 2, 2a, 3, 3a). Прочие сообщества,

строившие свое жизнеобеспечение на не вполне определенных моделях (высокогорные и прочие), распространялись по ареалам общей площадью до 4—6 млн. кв. км. (рис. В.1, 4, 5).

Наряду с этим наблюдались весьма примечательные вариации и отклонения от основных или же господствующих типов жизнеобеспечения. Например, среди культур, заселявших северные таежные и тундровые пространства Евразии, хорошо известны кочевые или полукочевые сообщества оленеводов. Последние в некоторых чертах повторяли ту модель кочевого скотоводства, что господствовала в собственно Степном поясе. Повтор в данном случае как бы усиливал свое звучание даже за счет сочетания скотоводства с охотой, к которой были столь привержены как степные, так и тундровые номады. Однако все прочие признаки сопоставляемых здесь культур разительно отличались.

Культуры степных кочевых скотоводов могли широко вклиниваться в зоны господства земледельческих культур, оккупируя те экологические ниши, что оказывались мало пригодными для выращивания культурных растений (об этом — мы помним — писал еще Рашид-ад-дин). И наоборот, земледельческие оазисы были нередко вкраплены в зоны господства номадов (рис. В.1, 2а, 3а).

Евразийский континент: членение по широте и долготе

Вновь обратимся к нашей карте (рис. В.1) и к феномену широтного распределения геоэкологических зон по Евразийскому материку и тесно связанных с ними совокупностей важнейших моделей жизнеобеспечения культур континента: с этих позиций публикуемая карта весьма показательна. На всей гигантской восьмистычекилометровой протяженности границ пастушеские культуры Степного пояса весьма жестко изолировали более северные лесные культуры с архаичными моделями «добычи пищи» от развитых земледельческих культур или же цивилизаций южной зоны континента. Население лесной и даже тундровой зон являло собой едва ли не вечный и зависимый от степняков тыл. Сравнительно ощутимые контакты между оседлыми земледельческими народами и лесными популяциями становились возможными, кажется, лишь на крайних — восточном и западном — флангах Степного пояса. На западе то был ареал Балтики и Фенно-Скандии; на востоке — Маньчжурии и российского Приморья.

В той позиции, каковой предстает долготное распределение ареалов важнейших моделей жизнеобеспечения в исторической реальности (рис. В.1), собственно Европейский материк оказывается очень похожим на огромный, крайне западный, с крайне причудливой линией морских и океанских рубежей полуостров. Пожалуй, его хочется назвать даже Европейским мега-

полуостровом или же — что точнее — субконтинентом, как бы прикрепленным с востока к неохватному массиву Евразийского континента. Гранью его «спайки» с базовым телом материка служит линия между Балтийским и Черным морями (здесь, конечно же, приходит на ум старинный и столь знаменитый путь «из варяг в греки»). Та же часть Европы, которая по традиции именуется Восточной, по всей видимости, никак не вычленяется — и вряд ли должна вычленяться — из своего евразийского тела. В любом случае, водораздельный рубеж между Балтикой и Причерноморьем представляется намного более логичным с точки зрения и географической, и геоэкологической, нежели традиционная — по Уральским горам и реке Уралу, а также по крайне расплывчатой Манычской впадине — граница. Подмеченная особенность кажется весьма существенной, и мы не раз вспомним о ней далее уже при обсуждении различного рода взаимосвязей между культурами Запада и Востока.

Геоэкология Степного пояса

Поскольку наше основное внимание будет сосредоточено на культурах Великого Степного пояса Евразии, следует более детально ознакомиться с геоэкологическими характеристиками данного пояса и важнейшими деталями его структуры.

Степной пояс Евразии протянулся от Черного моря на западе вплоть до Желтого моря на Дальнем Востоке. Его тотальная протяженность с запада на восток близка, как уже говорилось, к восьми тысячам километров, а общий территориальный охват достигает также восьми, но уже миллионов квадратных километров. Его основными, базовыми чертами служат прежде всего ландшафтно-экологические признаки: 1) отсутствие или же явно подчиненная доля лесного покрова при полном господстве покрова травянистого; 2) континентальный или же резко континентальный аридный (засушливый) климат с жарким летом и морозной зимой; 3) простираение по умеренным широтам Евразийского материка.

Понятие «Степной пояс» должно восприниматься как относительно условное: по существу, перед нами весьма сложный экологический феномен. Важнейшей причиной принятого здесь наименования послужило то, что протяженная степная полоса в этом поясе занимает центральную, как бы осевую линию. Сама степь на всем необъятном широтном протяжении предстает перед наблюдателем в облике весьма и весьма разнообразном. Такой вывод вполне очевиден не только в процессе сопоставления основных элементов растительного покрова, но, пожалуй, различия бросаются в глаза еще более выпукло даже при простом наблюдении за геоморфологическими особенностями различных регионов. Степь может открывать себя либо в виде абсо-

лютно плоской равнины, подобной, скажем, пейзажам Северного Прикаспия; или же мы попадаем в степь горную, характерную, например, для огромного монгольского ареала. По всей видимости, именно эта разноликость явилась причиной неожиданного множества определений — что же такое степь?

С севера к степям в большинстве регионов примыкает обширная полоса лесостепей. Уже из самого определения следует, что в лесостепи заметно нарастает доля древесного покрова. Проводить же между степью и лесостепью отчетливо выраженную и четко маркированную границу практически не реально, — столь туманна она и неопределенна. Аналогичный вывод следует и в отношении южных приграничных полос Степного пояса. Здесь в ряде регионов — от Северного Каспия вплоть до восточного фланга всей полосы — к степи подступают полупустыни и пустыни. Границы между степью и полупустыней также выглядят крайне размытыми. Столь же расплывчаты и туманны критерии различий между полупустыней и пустыней.

Рис. В.2. Восточный ареал Степного пояса и Джунгарские ворота

Контуры основных ареалов охвата Степного пояса «правильными» очертаниям отнюдь не отличаются. Даже беглый взгляд на карты (рис. В.1 и В.2) позволяет различить в самом поясе как бы две «половины» — западную (или западноевразийскую) и восточную (или восточноевразийскую). Граница между ними выражена весьма четко и вряд ли может быть подвергнута сомнению: это знаменитые Джунгарские ворота. Их отражение на карте (рис. В.2) предстает в виде резко суженного перехвата, своеобразного «гирла» (об этих воротах более детально мы поведем речь ниже). Территориальные охваты обеих частей примерно равны: в пределах 3,8—

4,2 млн. кв. км. Восточноевразийская «половина» предстает более однородной по овалному контуру абриса ее пространственного охвата (исключая юго-западный «отросток» пустыни Такла-Макан). В западноевразийской же «половине» также заметен, — хотя и далеко не столь явно, — некий раздел между восточноевропейской частью, а также западноазиатским регионом (рис. В.2). Последняя по площади существенно превосходит восточноевропейскую (1,5 против 2,5 млн. кв. км.), а их граница маркирована своеобразной «перемычкой» между отрогами Южного Урала, а также Мугоджарами, вплоть до северных берегов Каспийского моря.

Западноевразийская половина пояса и ее границы

Край западной зоны Степного пояса начинает проявлять себя уже в бассейне Нижнего Подунавья. Здесь относительно узкая полоса степи вплотную прилегает к северо-западному побережью Черного моря, следует вдоль его побережья, заходит в Крым, потом по периметру огибает море Азовское. Морские границы сменяются мощным и трудно преодолимым валом Главного Кавказа. Лишь у побережья Каспийского моря «стена» гор как бы отступает на запад: здесь намечается знаменитый Дербентский проход, который и служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга. Крутые изгибы берегов Каспия вновь предельно ясно очерчивают южную грань Степного пояса. К юго-восточному побережью этого огромного и в древности называемого Хвалынским моря-озера близко подходит хребет Копетдага. Хотя эта горная система и не в состоянии сравниться с мощью Кавказа, однако и здесь граница между захватывающим пустыню Каракумы Степным поясом и более южными регионами, с зелеными оазисами Иранских нагорий, также выглядит вполне определенной (рис. В.5).

Вслед за Копетдагом — и опять-таки с юга — Степной пояс резко ограничивают трудно преодолимые громады горной системы Памиро-Тяньшаня. Их запутанные хребты и высокогорья внезапно разворачиваются и резко «ныряют» к югу, к Гиндукушу. Затем, затейливым кольцом огибая обширную пустыню Такла-Макан, горные цепи Куэньлуня и Алтынтага почти без заметных прогибов сливаются с Тибетом и Гималаями.

Полезно будет подчеркнуть еще раз, что западноевразийской части Степного пояса присущи весьма четко выраженные южные границы. Последние определены либо морскими побережьями, либо протяженными громадами молодых горных хребтов, которые в геологической науке обычно именуют Альпийско-Гималайским подвижным поясом. В противоположность южным границам пояса, границы северные — в его западном ареале — весьма расплывчаты и проходят (за исключением неширокой полосы Урала)